

**БИБЛИОТЕКА
КЛАССИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

**Борис
ВАСИЛЬЕВ**

БИБЛИОТЕКА КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А зори здесь тихие...
Повести

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В19

Васильев, Борис Львович.

В19 А зори здесь тихие... : повести / Борис Васильев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Библиотека классической литературы).

ISBN 978-5-04-178024-1

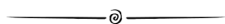
В книгу вошли две знаменитые истории Бориса Васильева: «А зори здесь тихие...» и «Завтра была война». Первая рассказывает о судьбах пяти юных девушек-зенитчиц и их командира, которые с невероятной отвагой и горячим сердцем защищали Родину от немецких диверсантов летом 1942-го. В следующем произведении события разворачиваются чуть ранее, в 1940-м, вокруг будущих выпускников и их семей, еще не знавших, что это последний предвоенный год.

УДК 821.161.1-31
84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178024-1

© Б. Васильев, наследники, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...

На 171-м разъезде уцелело двенадцать дворов, пожарный сарай да приземистый длинный пакгауз, выстроенный в начале века из подогнанных валунов. В последнюю бомбёжку рухнула водонапорная башня, и поезда перестали здесь останавливаться. Немцы прекратили налёты, но кружили над разъездом ежедневно, и командование на всякий случай держало там две зенитные счетверёнки.

Шёл май 1942 года. На западе (в сырые ночи отсюда доносило тяжкий гул артиллерии) обе стороны, на два метра врывшись в землю, окончательно завязли в позиционной войне; на востоке немцы день и ночь бомбили канал и Мурманскую дорогу; на севере шла ожесточённая борьба за морские пути; на юге только-только приходил в себя блокадный Ленинград.

А здесь был курорт. От тишины и безделья солдаты млели, как в парной, а в двенадцати дворах оставалось ещё достаточно молодух и вдовушек, умевших добывать самогон чуть ли не из комариного писка. Три дня солдаты отсыпались и присматривались; на четвёртый начинались чьи-то именины, и над разъездом уже не выветривался липкий запах местного первача.

Комендант разъезда, хмурый старшина Васков, писал рапорты по команде. Когда число их достигало

десятка, начальство вкатывало Васкову очередной выговор и сменяло опухший от веселья полувзвод. С неделю после этого комендант кое-как обходился своими силами, а потом всё повторялось сначала настолько точно, что старшина в конце концов прилачился переписывать прежние рапорты, меняя в них лишь числа да фамилии.

— Чепушиной занимаетесь! — гремел прибывший по последним рапортам майор. — Писанину развели! Не комендант, а писатель какой-то!..

— Шлите непьющих, — упрямо твердил Васков: он побаивался всякого горластого начальника, но талдычил своё, как пономарь. — Непьющих и это... Что, значит, насчёт женского пола.

— Евнухов, что ли?

— Вам виднее, — осторожно сказал старшина.

— Ладно, Васков!.. — распаляясь от собственной строгости, сказал майор. — Будут тебе непьющие. И насчёт женщин тоже будут, как положено. Но гляди, старшина, если ты и с ними не справишься..

— Так точно, — деревянно согласился комендант.

Майор увёз не выдержавших искуса зенитчиков, на прощанье ещё раз пообещав Васкову, что пришлёт таких, которые нос будут воротить от юбок и самогонки живее, чем сам старшина. Однако выполнить это обещание оказалось непросто, поскольку за три дня не прибыло ни одного человека.

— Вопрос сложный, — пояснил старшина квартирной своей хозяйке Марии Никифоровне. — Два отделения — это ж почти что двадцать человек непьющих. Фронт перетряси — и то сомневаюсь..

Опасения его, однако, оказались необоснованными, так как уже утром хозяйка сообщила, что зенит-

чки прибыли. В тоне её звучало что-то вредное, но старшина со сна не разобрался, а спросил о том, что тревожило:

— С командиром прибыли?

— Непохоже, Федот Евграфыч.

— Слава богу! — Старшина ревниво относился к своему комендантскому положению. — Власть делить — это хуже нету.

— Погодите радоваться, — загадочно улыбнулась хозяйка.

— Радоваться после войны будем, — резонно сказал Федот Евграфыч, надел фуражку и вышел.

И оторопел: перед домом стояли две шеренги сонных девчат. Старшина было решил, что спросонок ему померещилось, поморгал, но гимнастёрки на бойцах по-прежнему бойко торчали в местах, солдатским уставом не предусмотренных, а из-под пилоток нахально лезли кудри всех цветов и фасонов.

— Товарищ старшина, первое и второе отделения третьего взвода пятой роты Отдельного зенитно-пулемётного батальона прибыли в ваше распоряжение для охраны объекта, — тусклым голосом отрапортовала старшая. — Докладывает помкомвзвода сержант Кирьянова.

— Та-ак, — совсем не по-уставному сказал комендант. — Нашли, значит, непьющих...

Целый день он стучал топором: строил нары в пожарном сарае, поскольку зенитчики на постой к хозяйкам становиться не согласились. Девушки таскали доски, держали, где велел, и трещали, как сороки. Старшина хмуро отмалчивался: боялся за авторитет.

— Из расположения без моего слова ни ногой, — объявил он, когда всё было готово.

— Даже за ягодами? — бойко спросила рыжая.

Васков давно уже приметил её.

— Ягод ещё нет, — сказал он.

— А щавель можно собирать? — поинтересовалась Кирьянова. — Нам без приварка трудно, товарищ старшина, отощаем.

Федот Евграфыч с сомнением повёл глазом по туго натянутым гимнастёркам, но разрешил:

— Не дальше речки. Аккурат в пойме прорва его.

На разъезде наступила тишь да благодать, но коменданту легче не стало. Зенитчики оказались девахами шумными и задиристыми, и старшина ежесекундно чувствовал, что попал в гости в собственный дом: боялся ляпнуть не то, сделать не так, а уж о том, чтобы войти куда без стука, не могло теперь быть и речи, и если он забывал когда об этом, сигнальный визг немедленно отбрасывал его на прежние позиции. Пуще же всего Федот Евграфыч страшился намёков и шуточек насчёт возможных ухаживаний и поэтому всегда ходил, уставясь в землю, словно потерял денежное довольствие за последний месяц.

— Да не бычьтесь вы, Федот Евграфыч, — сказала хозяйка, понаблюдав за его общением с подчинёнными. — Они вас промеж себя старичком величают, так что глядите соответственно.

Федоту Евграфычу этой весной исполнилось тридцать два, и стариком он себя считать не согласился. Поразмыслив, он пришёл к выводу, что всё это есть лишь меры, предпринятые хозяйкой для упрочения собственных позиций: она таки растопила лёд комендантского сердца и теперь, естественно, стремилась укрепиться на завоёванных рубежах.

Ночами зенитчики азартно лупили из всех восьми стволов по пролетающим немецким самолётам, а днём разводили бесконечные постирушки: вокруг пожарного сарая вечно сушились какие-то их тряпочки. Подобные украшения старшина считал неуместными и кратко информировал об этом сержанта Кирьянову:

— Демаскирует.

— А есть приказ, — не задумываясь, сказала она.

— Какой приказ?

— Соответствующий. В нём сказано, что военнослужащим женского пола разрешается сушить бельё на всех фронтах.

Комендант промолчал: ну их, этих девок, к ляду! Только свяжись — хихикать будут до осени...

Дни стояли тёплые, безветренные, и комара породилось такое количество, что без веточки и шагу не ступишь. Но веточка — это ещё ничего, это ещё вполне допустимо для военного человека, а вот то, что вскоре комендант начал на каждом углу хрипеть да кхекать, словно и вправду был стариком, вот это было совсем уж никуда не годно.

А началось всё с того, что жарким майским днём завернул он за пакгауз и обмер: в глаза брызнуло таким неистово белым, таким сочным, таким тугим да ещё восьмикратно помноженным телом, что Васкова аж в жар кинуло — всё первое отделение во главе с командиром, младшим сержантом Осяниной, загорало на казённом брезенте в чём мать родила. И хоть бы завизжали, что ли, для приличия, так нет же: уткнули носы в брезент, затаились, и Федоту Евграфычу пришлось красться задним ходом, как мальчишке из чужого огорода. Вот с того дня и стал он кашлять на каждом углу, будто коклюшный.

А эту Осянину он ещё до этого выделил: строга. Не засмеётся никогда, только что поведёт чуть губами, а глаза по-прежнему серьёзными остаются. Странная была Осянина, и поэтому Федот Евграфыч осторожно навёл справочки через свою хозяйку, хоть и понимал, что той поручение это совсем не для радости.

— Вдовая она, — поджав губы, через день доложила Мария Никифоровна. — Так что полностью в женском звании состоит.

Старшина промолчал: бабе всё равно не докажешь. Взял топор, пошёл во двор: лучше нету для дум времени, как дрова колоть. А дум много накопилось, и следовало их привести в соответствие.

Ну, прежде всего, конечно, — дисциплина. Ладно, не пьют бойцы, с жительницами не любезничают, это всё так. А внутри — беспорядок: «Люба, Вера, Катенька — в караул! Катя — разводящая».

Разве это команда? Развод караулов полагается по всей строгости делать, по уставу. А это — насмешка полная, это надо порушить, а как? Попробовал он насчёт этого со старшей, с Кирьяновой, поговорить, да у неё один ответ:

— А у нас — разрешение, товарищ старшина. От командующего. Лично.

Смеются, черти..

— Стараешься, Федот Евграфыч?

Обернулся: соседка во двор заглядывает, Полинка Егорова. Самая беспутная из всего населения: именины в прошлом месяце четыре раза справляла.

— Ты не очень-то утруждайся, Федот Евграфыч. Ты теперь один у нас остался, вроде как на племя.

Хохочет. И ворот не застёгнут.

— Ты теперь по дворам ходить будешь, как пастух. Неделю в одном дворе, неделю — в другом. Такая у нас, у баб, договорённость насчёт тебя.

— Ты, Полина Егорова, совесть поимей. Солдатка ты или дамочка какая? Вот и веди соответственно.

— Война, Евграфыч, всё спишет. И с солдат, и с солдаток.

Вот ведь петля какая! Выселить надо бы, а как? Где они, гражданские власти? А ему она не подчинена: он этот вопрос с крикуном-майором провентилировал.

Да, дум набралось кубометра на два, не меньше. И с каждой думой совершенно особо разобраться надо. Совершенно особо...

Всё-таки большая помеха, что человек он почти что без образования. Ну, писать-читать умеет и счёт знает в пределах четырёх классов, потому что аккурат в конце этого четвёртого у него медведь отца заломал. Вот девкам бы этим смеху было, если б про медведя узнали! Это ж надо — не от газов в мировую, не от клинка в гражданскую, не от кулацкого обреза, не своей смертью даже — медведь заломал! Они, поди, медведя этого в зверинцах только и видели...

Из дремучего угла ты, Федот Васков, в коменданты выполз. А они — не гляди, что рядовые, — наука: упреждение, квадрант, угол сноса. Классов семь, а то и все девять, по разговору видно. От девяти четыре отнять — пять останется. И выходит, он от них на больше отстал, чем сам имеет...

Невесёлыми думы были, и от этого рубал Васков дрова с особой яростью. А кого винить? Разве что медведя того невежливого...

Странное дело: до этого он свою жизнь удачливой считал. Ну, не то чтоб совсем уж двадцать одно

выходило, но жаловаться не стоило. Всё-таки он со своими неполными четырьмя классами полковую школу закончил и за десять лет до старшинского звания дослужился. По этой линии ущерба не было, но с других сторон, случалось, судьба флажками обкладывала и два раза прямо в упор из всех стволов саданула, но Федот Евграфыч устоял всё ж таки. Устоял...

Незадолго перед финской женился он на санитарке из гарнизонного госпиталя. Живая бабёнка попалась: всё бы ей петь, да плясать, да винцо попивать. Однако мальчонку родила. Игорьком назвали: Игорь Федотыч Васков. Тут финская началась, Васков на фронт уехал, а как вернулся назад с двумя медалями, так его в первый раз и шарахнуло: пока он там в снегах загибался, жена вконец завертелась и с полковым ветеринаром отбыла в южные края. Федот Евграфыч развёлся с нею немедля, мальчика через суд вытребовал и к матери в деревню отправил. А через год мальчонка его помер, и с той поры Васков улыбнулся-то всего три раза: генералу, что орден ему вручал, хирургу, осколок из плеча вытащившему, да хозяйке своей Марии Никифоровне за догадливость.

Вот за тот осколок и получил он свой теперешний пост. В пакгаузе имущество кое-какое осталось, часовых не ставили, но, учредив комендантскую должность, поручили ему пакгауз тот блюсти. Трижды в день обходил старшина объект, замки пробовал и в книге, которую сам же завёл, делал одну и ту же запись: «Объект осмотрен. Нарушений нет». И время осмотра, конечно. Спокойно служилось старшине Васкову. Почти до сего дня спокойно. А теперь...

Вздыхнул старшина.

Из всех довоенных событий Рита Муштакова ярче всего помнила школьный вечер: встречу с героями-пограничниками. И хоть не было на этом вечере Карацупы, а собаку звали совсем не Индус, Рита помнила его так, словно он только-только окончился и застенчивый лейтенант Осянин всё ещё шагал рядом по гулким деревянным тротуарам маленького приграничного городка. Лейтенант ещё никаким не был героем, в состав делегации попал случайно и ужасно стеснялся.

Рита тоже была не из бойких: сидела в зале, не участвуя ни в приветствиях, ни в самодеятельности, и скорее согласилась бы провалиться сквозь все этажи до крысиного подвала, чем первой заговорить с кем-либо из гостей моложе тридцати. Просто они с лейтенантом Осяниным случайно оказались рядом и сидели, боясь шевельнуться и глядя строго перед собой. А потом школьные затейники организовали игру, и им опять выпало быть вместе. А потом был общий фант: станцевать вальс, и они станцевали. А потом стояли у окна. А потом... Да, потом он пошёл её провожать.

И Рита страшно схитрила: повела его самой дальней дорогой. А он всё равно молчал и только курил, каждый раз робко спрашивая у неё разрешения. И от этой робости сердце Риты падало прямо в коленки.

Они даже простились не за руку: просто кивнули друг другу, и всё. Лейтенант уехал на заставу и каждую субботу писал ей очень короткое письмо. А она каждое воскресенье отвечала длинным. Так продолжалось до лета, в июне он приехал в городок на три дня, сказал, что на границе беспокойно, что отпусков